

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ В.И.ДАЛЯ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО

© И.Ш.Юнусов

В 1840-е годы в натуральной школе господствовал жанр физиологического очерка. Очерковая литература по природе своей тяготеет к документальному началу. В жанре же физиологического очерка эта особенность усилена присутствием, в известной мере, исследовательского начала. В физиологическом очерке ярче всего выразилась программная идея натуральной школы о детерминированности отношений человека и среды. При этом в очерке важно было выявление обобщенно-типичных черт персонажей, представляющих ту или иную социальную, профессиональную, национальную среду. В данной статье рассматривается проблема национального характера в физиологических очерках В.И.Даля в контексте синтеза документального и художественного.

Ключевые слова: национальный характер, документальное, художественное, физиологический очерк, В.И.Даль.

Феномен соотносительности документального и художественного (документа и вымысла, жизнеподобия и условности) в различных литературных системах оценивался по-разному. В течение тысячелетней истории мировой литературы на первый план выдвигалось то документальное, то художественное начало. Скажем, в эпоху романтизма был своеобразный культ фантазии. В реалистическом же дискурсе доминировало жизнеподобие, хотя в рамках этого дискурса и могли сосуществовать прямо противоположные приоритеты. Так, Н.С.Лесков утверждал, что, «где он (писатель. – И.Ю.) перестает быть записчиком, а делается выдумщиком, там исчезает между ним и обществом всякая связь» [1: 306]. А Л.Толстой, напротив, художественную правду считал глубже, объективнее, достовернее внешней правды факта. Автор «Хаджи-Мурата» был уверен в необходимости художественного познания, воображения, додумывания/домысливания, которые, по мнению писателя, только усиливают объективность художественного исследования. Знаменательно следующее высказывание художника: «История хочет описать жизнь народа – миллионов людей. Но тот, кто не только сам описывал даже жизнь одного человека, но хотя бы понял период жизни не только народа, но человека из описания, тот знает, как много для этого нужно. Нужно знание всех подробностей жизни, нужно искусство – дар художественности, нужна любовь» [2: 124 – 125].

А, к примеру, говоря уже о литературе начала XX века, современный литературовед констатирует: «Серебряный век... демонстрирует "усталость" от вымысла и явное возрастание документального начала» [3: 24].

Очевидно, самый вопрос, что предпочтительнее в художественном произведении – документ или вымысел – не совсем корректен. Каждая художественная эпоха, а часто и каждый художник, разрешают эту дилемму по-своему. Отсюда и стремление литературоведов выявить прежде всего своеобразие синтеза документального и художественного и роль этого синтеза в конечном художественном результате того или иного произведения, автора, школы, жанра.

Вот и настоящая статья посвящена выявлению своеобразия синтеза документального и художественного в жанре очерка, точнее, в одном из его классических выражений – в физиологических очерках В.И.Даля.

Исследователи литературного творчества В.И.Даля этой темы касались лишь мимоходом. Вообще художественное наследие автора знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» не очень-то избаловано вниманием литературоведов. Лишь в последние двадцать лет наблюдается определенная активизация научных поисков. К тому же творчество писателя чаще становилось объектом изучения, как правило, в рамках исследования «натуральной школы».

Первым серьезным обращением к художественному миру В.И.Даля стала большая вступительная статья П.И.Мельникова к «Полному собранию сочинений Владимира Даля (Казака Луганского)», начавшему издаваться в 1897 году. В контексте документальности/фикциональности отмечалось, что у В.И.Даля была цель: «...изобразить черты народного быта в неподдельном его виде» [4: XXXI] и что при этом «...он (Даль – И.Ю.) никогда и не считал себя художником» [4: XXXII]. В статье Е.Барковой,

появившейся в начале 1920-х гг., произведения В.И.Даля были разделены на пять групп, среди которых выделялась и этнографическая [5: 17]. В 1930-е гг. М.Горький характеризовал очерки В.И.Даля как «правдивые исторические документы» [6: 187]. В 1950-е гг. появились две работы М.И.Фетисова, посвященные преимущественно казахской тематике в художественных произведениях В.И.Даля, хотя речь шла здесь не об очерках, а о повестях [7-8]. На рубеже 1960-1970-х гг. выходят первые монографии, посвященные В.И.Далю [9-10]. Правда, они носили научно-популярный характер с доминированием биографии Даля. В 1990-е и 2000-е гг. были изданы монографии, посвященные уже литературному наследию В.И.Даля. Это исследования Ю.П.Фесенко «Проза В.И.Даля: Творческая эволюция» [11], Н.Л.Юган «В.И.Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX в.» [12] и Г.С.Умаровой «В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах» [13]. Все эти работы, несомненно, восполнили множество существовавших пробелов и в целом обогатили далеведение.

Остановимся на некоторых публикациях, касающихся непосредственно нашей темы. Так, С.Шаталов в статье «"Посредники" у В.И.Даля и И.С.Тургенева (о способах повествования в прозе 1840-1850-х гг.)» обратил внимание на то, что «установка Даля на этнографизм страдала односторонностью, уводила его на периферию собственно литературного отображения действительности и нередко придавала его произведениям вид слабо беллетризованных научно-этнографических, социологических или диалектологических очерков» [14: 163]. В ракурсе жанра тонко и интересно проанализировал особенности физиологических очерков Ю.В.Лебедев в своем учебном пособии «У истоков эпоса: Очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х гг.» [15]. В достаточно противоречиво встреченной книге В.И.Кулешова читаем: «Физиологический очерк не означал отказа от типизации, наоборот, казалось, что сама жизнь формирует типы, достаточно быть просто верным ей. Школа стремилась к «дагерротипности» [16: 86]. Вместе с тем весьма близко перекликающимися с темой нашего исследования можно считать статьи В.Ф.Соколовой «Историко-филологические изыскания и художественное творчество В.И.Даля» [17] и Е.М.Белецкой «Мир казака глазами В.И.Даля» [18]. Но и здесь задачи, поставленные авторами, не совпадают с целью нашей работы.

В настоящей же статье ключевую роль в достижении поставленной цели играет анализ решения проблемы национального характера в

физиологических очерках «Русак», «Чухонцы в Питере», «Находчивое поколение». Таким образом, впервые феномен соотношения документа и вымысла в очерках В.И.Даля рассматривается в контексте проблемы национального характера¹.

В 1840-е годы в натуральной школе важную роль играл жанр физиологического очерка, в котором акцент делался на выявление обобщенно-типичных черт персонажей, представляющих ту или иную социальную, профессиональную, национальную среду.

Вообще, самое классическое описание жанра, данное в «Литературной энциклопедии» 1929-1939 гг., сводится преимущественно к актуализации соотношения документа и вымысла: «Очерк – литературный жанр, отличительным признаком которого является художественное описание по преимуществу единичных явлений действительности, осмысленных автором в их типичности. В основе очерка, как правило, лежит непосредственное изучение автором своего объекта. Основной признак очерка – писание с натуры. В других литературных жанрах типизация создается путем обобщения отвлекаемых автором характерных черт множества единичных явлений; типическое конструируется здесь при помощи вымысла, фантазии, опирающихся на наблюдения этих явлений. В очерке вымысел играет значительно меньшую роль, чем в других жанрах. Типизация в очерке достигается, помимо выбора типичных явлений, отбором особенно типичных для явления черт» [22].

Неактуальность художественного начала, вымысла, по утверждению В.Г.Белинского, предполагалась уже природой таланта «очеркиста-физиолога»²: «У него нет таланта чистого творчества... он не может создавать характеров, ставить их в такие отношения между собой, из которых образуются сами собой романы и повести. Он может изображать действительность, виденную или изученную им, или, если угодно, творить, но из готового, данного действительностью материала» [23: 399].

Характерно, что доминирование именно документального начала в очерке весьма соответствует и характеру писательского дарования В.И.Даля. Так, Н.В.Гоголь дает следующую характеристику В.И.Далю: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления

¹ Достаточно подробно литературоведческое понимание термина «национальный характер» и история его изучения рассмотрены в ранее опубликованных работах автора [см.: 19-21].

² Как ни парадоксально, речь в данном случае идет о раннем И.С.Тургеневе.

производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с ее дельной стороны... Все у него правда и взято так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле... чтобы вышла сама собой наизнательнейшая повесть... Его сочинения – живая и верная статистика России...» [24: 417].

В контексте исследуемой темы примечателен очерк В.И.Даля «Русак». В его словаре читаем: «Русак – вообще русский человек» [25: 114]. Автор очерка здесь пытается описать тип «вообще русского человека». Правда, тут описывается лишь одна из доминант русского национального характера – его техническая смекалка, смешленность. Этот очерк концептуально предваряет «Левшу» Н.С.Лескова. В «Русаке» приводятся десять случаев, имеющих одну и ту же схему: в процессе какого-то дела ученые мудрецы сталкиваются с внешне неразрешимой проблемой, и тут появляется мужик, который, «почесавшись в затылке», предлагает простое и остроумное решение и этим самым спасает ситуацию. Причем можно с большой долей уверенности предположить, что все эти истории были в реальности, поскольку достаточно широко известен был, скажем, Петр Телушкин, произведший ремонт шпиля Петропавловской крепости. К тому же некоторые из этих историй фигурируют и в других произведениях В.И.Даля. Русский колорит, в чем-то фольклорный, (во всяком случае, мотив Иванушки-дурачка явственно присутствует), легко читается, скажем, в следующем фрагменте: «Мудрецы зодчего дела истратили несколько листов саженой бумаги, придумывая самое хитрое устройство подмостков, а живописцы все качали головой, уверяя, что это не годится и что им так писать потолка нельзя. Слыша все толки эти, один из работников долго стоял, сняв шапку, задрал голову и почесываясь в затылке, и, наконец, решился подойти, не к зодчему, разумеется, а к живописцу, и предложить скромно то, что сам придумал...» [26: 385].

В.И.Даль активно вводит в тексты своих произведений русские пословицы и поговорки. Так, очерк «Русак» начинается следующим образом: «У немца на все струмент есть, – говорит пословица, которая неоспоримо доказывает, что русский любит братья за дело как можно проще, без затейливых снарядов. Бей русского – часы сделает, – говорит другая, намекая на то, что нужна хитрее мудреца и что неволя учит и ума дает», – и далее следует вывод, – «Но коли тот, о ком идет речь, в нужде и часы сделает – верх премудрости человеческой, то, стало быть, у не-

го догадливости и досужества станет на это, была бы нужда либо охота, воля или неволя» [26: 383]. Но В.И.Даль одновременно подчеркивает равнодушие крестьян к нововведениям: «...Надобно сознаться, что, кроме нескольких простых и превосходных древних изобретений, с которыми уже свыкся русский крестьянин, он не только мало склонен к новым, самобытным изобретениям, но вообще, по косности своей, даже не любит собственно для себя улучшений и нововведений подражательных; и это особенно относится до домашнего его быта и хозяйства. Зато он крайне понятлив и переимчив, если дело пойдет по промышленной и ремесленной части; но здесь четыре сваи, на которых стоит русский человек, – авось, небось, ничего и как-нибудь, – эти четыре сваи на плавучем материке оказываются слишком ненадежными; жаль, что они увязли глубоко и что их нельзя заменить другими» [26: 389].

Знаменательно, что автор в «Русаке» может как бы вычислить русский национальный характер. В процессе установки огромного памятника вновь возникла тупиковая ситуация. Зодчий был в панике. И кто-то из толпы в трех словах выкрикнул спасительный совет. Рассказчик заключает: «Я уверен, что это был наш земляк» [26: 390].

Как видно, само название очерка – «Русак» – претендует на максимальную типологизацию. И вместе с тем в этом очерке акцент делается только на одной особенности русского национального характера – на смекалке русского человека. С одной стороны, здесь налицо осознанное упрощение русского характера. А с другой стороны, на передний план выходит самая важная, с точки зрения В.И.Даля, черта национального характера – отношение к труду, которое в конечном счете определяет уровень и характер жизни того или иного народа. Хотя все эти десять историй и имеют, как правило, реальную основу, очевидно, что писателю приходится воссоздавать образ русака, игнорируя какие-то другие важные черты русского национального характера. Получается, что вымысла как такового в очерке В.И.Даля «Русак» нет, но определенная условность и художественность все же присутствуют.

Весьма примечателен в рамках исследуемой проблемы очерк Даля «Чухонцы в Питере».

Здесь, в отличие от романтиков, писатель натуральной школы обращается к этносу, принципиально не экзотичному, к этносу, скорее, урбанистическому, к этносу, который ассоциируется в основном с грязной, черновой работой. Причем этот этнос обитает не где-то в излюбленных романтиками экзотических местах, а сегодня, в самой столице Российского государства – Петер-

бурге. В поэтике романтизма обращения к этносам, подобным чухонцам, воспринималось бы как нечто маргинальное. А в художественной концепции натуральной школы это носит в известной степени и принципиальный характер. В очерке под чухнами понимается «...все нерусское поколение коренных жителей Петербургской, Выборгской и соседних балтийских губерний» [27: 369]. В соответствии с этнографическими канонами автор очерка описывает внешность чухонцев, их одежду, пищу, язык. Здесь нет индивидуально обрисованных персонажей, дается лишь коллективно-обобщенный портрет чухонцев. При этом автор обращает внимание на некоторые доминирующие черты национального характера. Но эти черты проявляются прежде всего в профессиональной деятельности чухонцев. Для Даля и в целом для натуральной школы принципиально важен профессиональный ракурс в постижении того или иного типа, в том числе и национального. И соответствие или несоответствие профессиональных качеств духовной природе того или иного этноса во многом объясняет его вчерашний и сегодняшний дни, а также позволяет определить его перспективы, будущее: «Не только каждый народ, но и уроженцы известных мест, приходя на заработки в столицу нашу, держатся своего рода жизни и каких-либо особых промыслов. Так, касимовские татары все почти идут в дворники; рязанцы – в сидельцы и еще более в целовальники; тверитяне – в каменщики и штукатуры; белорусы исключительно в земляную работу и прочее» [27: 369].

В физиологическом очерке иностранцы и инородцы описываются прежде всего потому, что они обычно преобладают среди людей той или иной профессии. Писателям натуральной школы интересна не их национальность, а профессия.

Далее говорится о профессиональных предпочтениях героев очерка: «Чухонца или финляндца вы не увидите ни в сидельцах, ни даже в разносчиках, кроме производящих яйца, масло и молоко и выпрашивающих в домах после продажи припасов своих лоскутки или ленточки для дочерей и сестер. Высший круг ремесленного и рабочего сословия из этого народа – это серебрянники; за ними следуют трубочистные мастера; черный народ, оседлый в Петербурге, идет смолоду в трубочисты, иногда нанимается в кучера; идущие на заработки промышленляют легковым извозом, и то более зимой, из ближайших деревень, верст за сто, полтора, в ломовых же извозчиках вы никогда не увидите чухонца. Кроме того, выборгские крестьяне возят в столицу песок, на лодках и гужем, гоняя иногда, на

придачу, несколько голов своего малорослого рогатого скота» [27: 369-370]. Здесь мы видим не столько художественную, сколько научную форму познания, опирающуюся на принципы систематизации и классификации. В очерке последовательно описываются чухонцы-трубочисты, мастера золотых дел, поставщики булыжного камня и песка, кухарки. И каждый раз выявляется то, как в той или иной профессии преломляется национальный характер чухонца. Трубочисты-чухонцы зажиточны, бережливы, если не сказать скуповаты. Особая профессиональная черта трубочистов – любовь к белоснежной одежде: «Эти белые воротнички придают каждому трубочисту, в собственных его глазах, сто на сто цены и весу» [27: 371]. Золотых дел мастера «надежны, трезвы, работающи». Но часто бывают необъяснимо упрямы: «Если вы заказываете какую-нибудь вещь, желая, чтобы она была сделана, как вам хочется, то земляк трубочиста сперва спорит с вами, уверяя, что этого сделать нельзя, а что надо сделать иначе; коли вы настаиваете положительно и готовы уйти по несогласию мастера, то он смолчит, кивнув раз, другой головой и сказав: “хорошо, хорошо”, а между тем непременно сделает ее по-своему и ответит вам впоследствии сухо, что так надо было и что иначе нельзя» [27: 373]. Чухонцев-поставщиков булыжного камня и песка отличает необыкновенная честность. Задатки, отданные чухонцам, никогда не пропадают, хотя нет и никакого документированного контракта, нет никакой формы контроля. Но «...весною день за день лодочники являются к вам на двор, привозят вести о тех, кои еще не успели его поставить, просят отсрочки или возвращают задатки» [27: 375-376]. Большую часть петербургских кухарок составляли в первой половине XIX века чухонки. «Они опрятны и, если не избалованы столичными соблазнами, верны и честны; но они всегда очень упрямы, а под старость делаются злы и бранчивы до нестерпимости» [27: 377]. Наблюдательный взгляд автора подмечает также и то, что пограничные чухны торгуют «смело и искусно» [27: 378].

Вместе с тем автором очерка однажды допускается общая характеристика, безотносительно к профессии: «Чухонцы народ вообще самый честный, т. е. крепкий и верный на слово; но разные житейские уловки и ухищрения, особенно среди всех соблазнов столицы, водятся и в их грешном быту, как и во всяком ином» [27: 371].

В результате выявляются следующие доминанты национального характера чухонцев: честность, надежность в работе, бережливость, трезвость, упрямство, простодушие. В.И. Даль задолго до возникновения этнопсихологии как науки

придерживался одной из ее популярных концепций, согласно которой каждому национальному характеру присущи общечеловеческие свойства, но какие-то все же доминируют и определяют таким образом национальный облик того или иного народа.

Научный характер очерков В.И.Даля проявляется и в том, что его методология описания совпадает и с современными принципами исследования в этнографии: «Необходимость сопоставлять и противопоставлять для выделения особенного в общем, как известно, лежит в основе любой попытки систематизации объектов или их проявлений» [28: 89]. И в физиологическом / этнографическом очерке В.И.Даля в полном соответствии с основными принципами этнографической науки характер чухонцев соотносится с русским, татарским и родственными финно-угорскими народами.

Так, весьма интересны суждения В.И.Даля о русификации чухонцев в контексте этого процесса среди угро-финских народов вообще: «Есть, однако же, около Петербурга, но не в Финляндии, до такой степени обрусевшие чухны, как по одежде, так даже и по языку, что их почти нельзя распознать от русских. Заметим мимоходом, что чудское или финское племя вообще довольно склонно к этому переходу или преобразованию и русеет гораздо легче, чем племена монгольские или татарские. Так, например, вогулы и вотяки, без сомнения, скоро исчезнут вовсе; даже язык их утрачивается, и они, соединившись с нами по вере, мало-помалу соединятся также во всех прочих житейских отношениях, и одно только предание будет указывать на них, как на бывших инородцев. Почти то же можно сказать о некоторой части мордвы; даже зыряне, где они живут не особняком, а близ русских, легко с ними сближаются; а слабосильные чуваша и черемисы весьма охотно называют себя русскими, принимают русскую стрижку и носят рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако ж, в унижении своем, что из них вышел доселе только “дрянная русская человека, но авось, Бог даст, выйдет и матерая”» [27: 380-381].

Тут обращает на себя внимание дифференциация среди угро-финнов по степени русификации и противопоставление их всех вместе татарским и монгольским народам. Конечно, причисление чувашей к угро-финнам неверно, поскольку они входят в тюркскую языковую семью, но внешний облик, доминировавшие тогда языческие верования этого тюркского этноса делали их гораздо ближе к соседствующим с ними угро-финским народам Урала и Поволжья.

Знаменательно, что В.И.Даль видит процесс русификации как бы во всей исторической перспективе, что обусловлено его глубоким пониманием русского языка и этнографической эрудицией: «Вообще, нет никакого сомнения в том, что значительная часть нынешней России была населена народами чудского происхождения – меря, мурома, мещера, кривичи и проч., кои в течение веков обрусели. Даже в произношении народа нашего можно отыскать местами это происхождение, а тщедушный склад, хотя и несвойственный собственно чухнам, чувашское лицо и глаза и несколько сохранившихся издревле обычаев, слишком ясно наводят на это заключение, подтверждаемое бытописанием. Там, где народ говорит: “Это такая благая путь”, можно по справедливости усомниться, коренные ли русские так изъясняются; а приглядевшись поближе к алым шиткам на рубахах, к шитым же коймам, к холодникам и балахонам и, наконец, к безобразным женским кичкам с низанными назатыльниками, невольно скажешь: это мордва. Так, например, в большей части Орловской губернии бабы одеваются совершенно по-мордовски» [27: 381].

Как видно, Даль обнаруживает способность видеть процесс утери старой этнической идентичности и приобретение новой на разных исторических стадиях. При этом анализ и понимание сути современных Далю этнических процессов вкупе с его лингвистическим дарованием позволяют ему разъяснить некоторые моменты этногенезиса русского народа.

В определенном смысле физиологический очерк В.И.Даля «Чухонцы в Питере» по многим параметрам соответствует принципам современного лингвокультурологического исследования. А сам жанр «Чухонцев в Питере» в известном смысле можно определить как этнографический очерк.

Заслугой В.И.Даля можно считать описание типа чужестранца. Ярче всего это представлено в очерке «Находчивое поколение». Это произведение также ассоциируется со своеобразным научным исследованием. Оно четко структурировано на три раздела. В первом – дается общая характеристика «политипажа» чужестранца в России. Во втором – описываются его печальные приключения в постоянной борьбе за место под солнцем. А в третьем разделе подводятся итоги пребывания «политипажа» в России и даются наиболее типичные варианты финала его судьбы.

По Далю, «политипаж» – это «...заморское поколение, народ известный у нас в старину под собирательным именем *немцев*, а ныне под названием иностранцев, – поколение, которое не

верит прибаенкам, где счастье навевается к сонному, которое растет и мужает с убеждением, что, не дав счастью угонки, за ним не угонишься, – вот это поколение, говорю, у которого на все инструмент есть, не пропадет нигде; оно находчиво, смело пускается в открытое море чужбины, увертливо борется с супротивными волнами и нередко благополучно достигает берега. ...Если вам случалось видеть когда-нибудь одного такого гражданина мира, то вы видели в нем и всех: это политипаж» [27: 385-386].

Затем на примере «политипажа» иностранца – м'сье Петитома, уроженца «Лозанны или Женеви» – повествуется о его пребывании в России. Прибыл сюда он без гроша в кармане, но благодаря энергии, уверенности в своих возможностях, какой-то даже авантюристической жилке ему удается все время оставаться на плаву. Правда, дается это ему дорогой ценой: приходится унижаться, обманывать других, придумывать какие-то экзотические способы заработать деньги. В России он перебивал и помощником часовых дел мастера, и торговцем, и воспитателем в Симбирске барских девочек, и дрессировщиком собак, и музыкантом, и даже автором басен на русском языке. И в конечном итоге: «Хотите знать и окончательные приключения Петитома? Ему предстоит троякий конец: или он женится на какой-нибудь зажиточной вдове и навсегда останется в России; или он наживет лет через десять и поедет за море, в свое отечество; или, наконец, он состареется у нас таким же бобылем и будет разъезжать, под названием немца или француза, круглый год по всему околотку, гостить поочередно у помещиков, разнообразить скучную деревенскую жизнь их покорным появлением своим, исправляя некоторым образом, за насущный хлеб, должность уездного шута» [27: 399-400].

Здесь В.И.Даль так или иначе охватывает в своем очерке весь жизненный путь своего персонажа. Это один из значимых элементов его поэтики. Нередко героев его физиологий ожидает смерть. Таков, например, финал «Уральского казака». Как ни парадоксально, смерть героев Казака Луганского вносит в описательные, этнографические, а потому чуть отстраненные страницы живую, теплую струю. Его герой предстает уже в новом измерении. Трудная, исполненная повседневной борьбы с тяготами и лишениями жизнь с ее редкими радостными минутами воспринимается уже в контексте всей, как правило, драматической судьбы. Смерть в физиологиях Даля, подобно фотовспышке, вдруг освещает и выхватывает драматическое содержание жизни. И, очевидно, эмоциональная составляющая фак-

тора смерти героя в физиологических очерках В.И.Даля усиливает художественное начало произведений.

Судьба чужестранца первого поколения, безусловно, драматична. Свою историческую родину немцы в широком смысле этого слова вынуждены были покинуть от чувства безысходности, невозможности изменить жизнь к лучшему без какого-либо кардинального решения, каковым оказывалась зачастую временная или постоянная эмиграция.

Вместе с тем и в самой проекции трех вариантов судьбы чужестранца в России, и в отборе перипетий его мигрантской судьбы мы видим стремление к типизации, что, в свою очередь, предполагает отсечение случайного, неважного с точки зрения автора. И в этом, несомненно, тоже выражается художественное начало произведения, потому что определенное додумывание, домысливание здесь, несомненно, присутствует. В научном исследовании подобный отбор и отсечение материала выглядели бы некорректными.

Таким образом, анализ проблемы национального характера в физиологических очерках В.И.Даля «Русак», «Чухонцы в Питере», «Находчивое поколение» высветил некоторые особенности синтеза документа и вымысла в произведениях этого жанра.

1. Физиологические очерки В.И.Даля соответствуют базовым критериям очеркового жанра с доминирующими принципами документальности и типологизации.

2. Вместе с тем физиологические очерки В.И.Даля являются художественными произведениями, поскольку включают в себя различные элементы художественности и художественного познания.

3. Своеобразие синтеза документа и вымысла в физиологических очерках В.И.Даля обусловлено некоторыми особенностями дарования художника: дисциплинированным, близким к научному, мышлением, блестящим знанием русского языка, его этимологии, широкими этнографическими познаниями, а также не совсем креативным характером писательского таланта.

4. Несмотря на близость физиологических очерков В.И.Даля научным (этнографическим) исследованиям, они сохраняют свою художественную природу, поскольку научные по форме описания соседствуют с элементами домысливания, чего не может быть в сугубо научных текстах.

5. Рассмотрение проблемы национального характера позволяет с нового ракурса и наиболее полно выявить природу соотношения документа и вымысла в физиологических очерках В.И.Даля.

*****

1. *Лесков Н.С.* Письмо к В.И.Иванову // Русские писатели о литературном труде (XVIII -XX вв.). Сб. в 4 т. / Под общ. ред. Б.Мейлаха. – Л.: Сов. писатель, 1955. – Т. 3. – 716 с.
2. *Толстой Л.Н.* Полное собрание соч.: В 90 т. (юбилейное издание 1828 – 1928). – М.-Л.: Гослитиздат, 1928 – 1958. – Т. 48. – 309 с.
3. *Крылов В.Н.* «Усталость» от вымысла, или о синтезе художественного и документального в литературе Серебряного века // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2012. – №4(30). – С. 22 – 24.
4. *Мельников П.И.* Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк // Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского): В 10 т. – СПб.-М., 1897. – Т. I. – С. I – XCVI.
5. *Баркова Е.П.* В.И.Даль как беллетрист // Воронежский историко-археологический вестник. – Воронеж, 1921. – Вып.2. – С. 11 – 17.
6. *Горький М.* История русской литературы. – М.: ГИХЛ, 1939. – Т.1. – 340 с. (Архив А.М.Горького). О В.И. Дале. – С. 187– 188.
7. *Фетисов М.И.* Первые русские повести на казахские темы. – Алма-Ата: Изд-во АН КССР, 1950. – 154 с.
8. *Фетисов М.И.* Произведения Даля на казахские темы // Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана в 30-50-е годы XIX в. – М.: АН СССР, 1956. – С. 166 – 172.
9. *Бессараб М. Я.* Владимир Даль. – М.: Моск. рабочий, 1968. – 264 с.;
10. *Порудоминский В.И.* В.Даль. – М.: Мол. гвардия, 1971. – 384 с.
11. *Фесенко Ю.П.* Проза В.И.Даля: Творческая эволюция. – Луганск; СПб.: Альма-матер, 1999. – 262 с.
12. *Юган Н.П.* В.И.Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX в. – Луганск: ГУ «ЛПУ им. Тараса Шевченко», 2011. – 407 с.
13. *Умарова Г.С.* В.И.Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 305 с.
14. *Шаталов С.* «Посредники" у В.И.Даля и И.С.Тургенева (о способах повествования в прозе 1840-1850-х гг.) // Ученые записки Курского государственного университета. – Орел, 1968. – Т. 51. – С. 160 – 173.
15. *Лебедев Ю.В.* У истоков эпоса: Очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х гг. Пособие для слушателей спецкурса. – Ярославль: Ярославский госпединститут, 1975. – 162 с.
16. *Кулешов В.И.* Натуральная школа в русской литературе XIX века. – М.: Просвещение, 1982 – 224 с.
17. *Соколова В.Ф.* Историко-филологические изыскания и художественное творчество В.И. Даля // Синтез культурных традиций в художественном произведении: Межвузовский сб. науч. тр. – Н.Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 1999. – С. 58 – 65.
18. *Белецкая Е.М.* Мир казака глазами В.И.Даля // В.И.Даль – писатель и этнограф. Сб. научн. тр., посвящ. 200-летию В.И.Даля. – Торжок: Всерос. ист.-этнограф. музей, 2003. – С. 35 – 46.
19. *Юнусов И.Ш.* О некоторых путях литературоведческого изучения национального характера // Некоторые вопросы изучения литературы. – Бирск: БГПИ, 1999. – С. 162 – 172.
20. *Юнусов И.Ш.* Национальное и инонациональное в русской прозе второй половины XIX века (И.С.Тургенев, И.А.Гончаров, Л.Н.Толстой). – СПб.: Издательство РГПУ им.А.И.Герцена, 2002. – 399 с.
21. *Юнусов И.Ш.* К вопросу об изучении проблемы национального характера // Язык и литература в поликультурном пространстве. Вып. 7. – Бирск: БирГСПА, 2011. – С. 268 – 371.
22. *Литературная энциклопедия:* В 11 т. – М.: Коммун. акад., 1929 - 1939 // URL: (<http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/>) (дата обращения: 04.04. 2014).
23. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в 9 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т.8. – 783 с.
24. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 7. – 528 с.
25. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1978 – Т. IV. – 683 с.
26. *Даль В.И.* Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. – М.-Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1961. – 445 с.
27. Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского): В 10 т. – СПб.-М., 1897. – Т. III. – 400 с.
28. *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 168 с.

THE ISSUE OF NATIONAL CHARACTER IN PHYSIOLOGICAL ESSAYS OF VLADIMIR DAL IN THE CONTEXT OF NON-FICTION AND FICTION SYNTHESIS

I.Sh.Yunusov

In the 1840s, the genre of physiological essay dominated at the Natural School. Essay literature, by nature, gravitates to the documentary source. In the genre of physiological essay, this feature is even more prominent due to the research source. In a physiological essay, the leading idea of the Natural School concerning deterministic relations between man and environment was expressed most vividly. Thus, the

exposure of generalized-typical lines in the characters representing one or another social, professional, and national environment was an important feature of a physiological essay. In this article, the issue of national character in the physiological essays of Vladimir Dal is studied in the context of non-fiction and fiction synthesis.

Key words: national character, non-fiction, fiction, physiological essay, Vladimir Dal.

*****

1. *Leskov N.C.* Pis'mo k V.I.Ivanovu // Russkie pisateli o literaturnom trude (XVIII -XX vv.). Sb. v 4 t. / Pod obshh. red. B. Mejlaha. – L.: Sov. pisatel', 1955. – T. 3. – 716 s. (In Russian)
2. *Tolstoj L.N.* Polnoe sobranie soch.: V 90 t. (jubilejnoe izdanie 1828 – 1928). – M.-L.: Goslitizdat, 1928 – 1958. – T. 48. – 309 s. (In Russian)
3. *Krylov V.N.* «Ustalost'» ot vymysla, ili o sinteze hudozhestvennogo i dokumental'nogo v literature Se-rebrjanogo veka // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. – 2012. – №4(30). – S. 22 – 24. (In Russian)
4. *Mel'nikov P.I.* Vladimir Ivanovich Dal'. Kritiko-biograficheskiy ocherk // Poln. sobr. soch. Vladimira Dalja (Kazaka Luganskogo): V 10 t. – SPb.-M., 1897. – T. I. – C. I – XCVI. (In Russian)
5. *Barkova E.P.* V.I.Dal' kak belletrist // Voronezhskij istoriko-arheologicheskij vestnik. – Voronezh, 1921. – Vyp.2. – S. 11 – 17. (In Russian)
6. *Gor'kij M.* Istorija russkoj literatury. – M.: GIHL, 1939. – T.1. – 340 s. (Arhiv A.M.Gor'kogo). O V.I.Dale. – S. 187– 188. (In Russian)
7. *Fetisov M.I.* Pervye russkie povesti na kazahskie temy. – Alma-Ata: Izd-vo AN KSSR, 1950. – 154 s. (In Russian)
8. *Fetisov M.I.* Proizvedenija Dalja na kazahskie temy // Fetisov M.I. Literaturnye svjazi Rossii i Kazahstana v 30-50-e gody XIX v. – M.: AN SSSR, 1956. – S. 166 – 172. (In Russian)
9. *Bessarab M.Ja.* Vladimir Dal'. – M.: Mosk. rabochij, 1968. – 264 s. (In Russian)
10. *Porudominskij V.I.* V.Dal'. – M.: Mol. gvardija, 1971. – 384 s. (In Russian)
11. *Fesenko Ju.P.* Proza V.I.Dalja: Tvorcheskaja jevoljucija. – Lugansk; SPb.: Al'ma-mater, 1999. – 262 s. (In Russian)
12. *Jugan N.P.* V.I.Dal' i russkaja literatura 30-60-h gg. XIX v. – Lugansk: GU «LPU im. Tarasa Shevchenko», 2011. – 407 s. (In Russian)
13. *Umarova G.S.* V.I.Dal': mir kazahskogo jetnosa v dokumental'no-nauchnyh i hudozhestvennyh tekstah. – Ural'sk: Redakcionno-izdatel'skij centr ZKGU im.M.Utemisova, 2012. – 305 s. (In Russian)
14. *Shatalov S.* «"Posredniki" u V.I.Dalja i I.S.Turgeneva (o sposobah povestvovaniya v proze 1840-1850-h gg.) // Uchenye zapiski Kurskogo gospedinstituta. – Orel, 1968. – T. 51. – S. 160 – 173. (In Russian)
15. *Lebedev Ju.V.* U istokov jeposa: Ocherkovye cikly v russkoj literature 1840-1860-h gg. Posobie dlja slus-hatelej speckursa. – Jaroslavl': Jaroslavskij gospe-dinstitut, 1975. – 162 c. (In Russian)
16. *Kuleshov V.I.* Natural'naja shkola v russkoj literature XIX veka. – M.: Prosveshhenie, 1982 – 224 s. (In Russian)
17. *Sokolova V.F.* Istoriko-filologicheskie izyskanija i hudozhestvennoe tvorcestvo V.I.Dalja // Sintez kul'turnyh tradicij v hudozhestvennom proizvedenii: Mezhvuzovskij sb. nauch. tr. – N.Novgorod: Nizhegorodskij gos. ped. un-t, 1999. – S. 58 – 65. (In Russian)
18. *Beleckaja E.M.* Mir kazaka glazami V.I.Dalja // V.I. Dal' – pisatel' i jetnograf. Sb. nauchn. tr., posvjashh. 200-letiju V.I.Dalja. – Torzhok: Vseros. ist.-jetnograf. muzej, 2003. – S. 35 – 46. (In Russian)
19. *Junusov I.Sh.* O nekotoryh putjah literaturoved-cheskogo izuchenija nacional'nogo haraktera // Neko-torye voprosy izuchenija literatury. – Birsk: BGPI, 1999. – S. 162 – 172. (In Russian)
20. *Junusov I.Sh.* Nacional'noe i inonacional'noe v russkoj proze vtoroj poloviny XIX veka (I.S.Turgen-nev, I.A.Goncharov, L.N.Tolstoj). – SPb.: Izdatel'stvo RGPU im.A.I.Gercena, 2002. – 399 s. (In Russian)
21. *Junusov I.Sh.* K voprosu ob izuchenii problemy naci-onal'nogo haraktera // Jazyk i literatura v polikul'tur-nom prostranstve. Vyp. 7. – Birsk: BirGSPA, 2011. – S. 268 – 371. (In Russian)
22. Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. – M.: Kommun.akad., 1929 - 1939 // URL: (<http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/>) (data obrashhenija: 04.04.2014). (In Russian)
23. *Belinskij V.G.* Sobranie sochinenij v 9 t. – M.: Hud.lit., 1982. – T.8. – 783 s. (In Russian)
24. *Gogol' N.V.* Sobranie sochinenij: v 8 t. – M.: Pravda, 1984. – T. 7. – 528 s. (In Russian)
25. *Dal' V.I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo ja-zyka. – M.: Rus. jaz., 1978 – T. IV. – 683 s. (In Russian)
26. *Dal' V.I.* Povesti. Rasskazy. Ocherki. Skazki. – M.-L.: Gos. izd-vo hudozhestvennoj lit-ry, 1961. – 445 s. (In Russian)
27. Poln. sobr. soch. Vladimira Dalja (Kazaka Lugan-skogo): V 10 t. – SPb.-M., 1897. – T. III. – 400 s. (In Russian)
28. *Its R.F.* Vvedenie v jetnografiju. – L.: Izd-vo Lenin-gradskogo un-ta, 1991. – 168 s. (In Russian)

*****

Юнусов Ильдар Шайхенурович – доктор филологических наук, профессор отделения русского языка и литературы факультета естественных и гуманитарных наук Стамбульского университета Фатих.

Турция, Стамбул, 34500 Бююкчекмедже.
E-mail: ildar_yun@rambler.ru

Yunusov Ildar Shaikhenurovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Arts and Sciences, Fatih University.

Fatih University, 34500 Büyükçekmece, İstanbul
E-mail: ildar_yun@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.08.2014